

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРЫ

Глобальные изменения, связанные с формированием нового типа культуры, стали следствием цифровой революции (*англ.* Digital Revolution)¹. Формально она связана с переходом от аналоговых к цифровым технологиям, всеобъемлющим проникновением Интернета (к слову, в апреле 2019 г. отмечается тридцатилетний юбилей World Wide Web). В результате появились новые способы коммуникации, сформировался новый тип культуры и экономики.

С момента рождения концепции цифровой экономики в конце XX века до выхода доклада «Цифровые дивиденды» о господстве цифровых технологий в мировом развитии прошло чуть более двадцати лет². За это время появились различные внешние и внутренние цифровые каналы, зависящие от потребностей рынка, доступности и безопасности, целей, задач и вызовов. «Цифровое мышление» и особый «цифровой» образ жизни стали неотъемлемой частью современности³. Мы ежедневно используем множество каналов цифровой коммуникации. С каждым годом они становятся технологичнее, удобнее, умнее. Смешивание онлайн- и офлайн-пространств, общение и работа в социальных сетях, поток контекстной и нативной рекламы, покупки и продажи в Сети, мобильные приложения, виртуальная и дополненная реальность, «интернет вещей»⁴ и многое другое стали частью нашей повседневности.

¹ Часто используется и прилагательное «digital», образованное от английского слова «digit» («буква» нового языка компьютерных и коммуникационных технологий), в англоязычных словосочетаниях «цифровое общество», «цифровая революция», «цифровые технологии», «цифровая эпоха», «цифровое поколение» и т. п.

² Обзор и оглавление доклада о мировом развитии «Цифровые дивиденды» / Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк, 2016, NW, Washington DC 20433. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).

³ Чего стоит одно только появление робота Софии на заседании Организации Объединенных Наций 11 октября 2017 года, а также ее «участие» в деловом завтраке Сбербанка на Всемирном экономическом форуме в январе 2018 года в Давосе.

⁴ «Интернет вещей» — концепция цифрового пространства, в котором все из аналогового и цифрового миров может быть совмещено. Это предопределяет наши отношения с объектами, а также свойства и суть самих объектов. Например, контроль автомобиля с помощью мобильного приложения, веб-камеры, позволяющие

Мы стали свидетелями буквального воплощения ситуации, названной М. Маклюэном «всемирной глобальной деревней». Человеческое восприятие теперь не ограничено рамками физического времени и пространства. Возможности коммуникации выросли: наши мысли, образы перемещаются без барьеров. Изменился и характер коммуникации: живой диалог, непосредственное, деятельное общение, подлинный эмоциональный контакт уступают место пассивному, зачастую анонимному, виртуальному взаимодействию. Особый локус в цифровой коммуникативной культуре имеет многомерная действительность окружающего мира, перед эффектами и масштабностью которой меркнут психическая реальность, внутренний мир конкретного человека.

Нет такой технологии, которая потенциально не могла бы стать оружием. В таком случае уместен вопрос: что или кто может попасть под прицел цифровизации?

Оценка трансформаций, в результате которых формируется цифровая эпоха и власть от буквы переходит к цифре, неоднозначна⁵. Отмечается, что господство идеологии техноцентризма приводит к забвению книжной культуры, «атомизации» действительности, подмене гуманитарных ценностей примитивными эрзацами, что обнаруживает пропасть между человеком и миром, подлинным и неподлинным бытием⁶. Происходит стихийный процесс «развеществления» бытия. Вместо вещно-событийной реальности господствуют виртуальность, симулякры, «информация», статус подлинности переходит к сфабрикованному, искусственному⁷. Материальное бытие вытесняется виртуальным, а виртуальному миру не соответствует никакая ценностная шкала. Виртуальность избегает оценок, человекомерности. Там, в

отслеживать активность на определенной территории, и «умный дом», в котором практически каждый элемент может быть активирован с помощью гаджетов.

⁵ См.: *Катасонов В. Ю.* Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь. М. : Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарапова, 2018. (Сер. «Анатомия современного капитализма») ; *Васильев Г. Е.* Причины упадка современной культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 5 ; *Архипова О. В.* Творческая личность в современной репрезентативной культуре // Общество в условиях современного медиапространства : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Евменов. СПб. : СПбГИКиТ, 2016 ; *Кутырёв В. А.* Бытие или ничто. СПб. : Алетейя, 2010.

⁶ *Васильев Г. Е.* Указ. соч.

⁷ *Кутырёв В. А.* Указ. соч.

искусственном, но таком манящем мире все возможно. Этот мир дезориентирует современного человека, навязывает ему обманчивые идеалы, иллюзорные мотивы действия, необоснованные варианты поведения.

В то же время глобальные изменения, связанные с формированием цифрового типа культуры, отразились на дескриптивных практиках современности. Цифровые технологии активно узурпируют культурные функции памяти и идентификации. Информационная функция (функция памяти) реализуется в переводе многообразия информации, которой располагает человечество и которую оно продолжает создавать в цифровом поле⁸. Актуальным примером выступают огромные массивы частной «микроистории», генерируемые сегодня пользователями.

Функция знака, или кода, используется в цифровом формате для идентификации человека. В цифровой культуре вопрос идентификации и особенно самоидентификации отнюдь не праздный. Кто я? Как меня видят другие? Как себя вижу я сам? Мы получаем на этот вопрос множество ответов в соответствии с гендерными, социальными, психологическими, политическими и многими другими основаниями. А сегодняшняя культурная реальность провоцирует вариативность, нестабильность и изменяемость личностных статусов.

Само понятие «идентичность» предполагает осознание своей индивидуальности, причем осознание ее как ценности. Переживание себя — одна из высших форм переживания, когда мы начинаем осознавать целостность, неповторимость, уникальность самого себя и, с одной стороны, свое сходство с другими людьми, а с другой — свое отличие от них. Идентичность — это реализация своей принадлежности к различным частям многогранного социума.

Когнитивная часть идентичности, то есть знание о себе, достаточно устойчива и постоянна, она традиционно описывается в классической психологии и хорошо известна.

⁸ См.: Катасонов В. Ю. Указ. соч.

Вторая составляющая идентичности — переживание себя — связана с представлением о себе как авторе своей жизни. Можно сказать, что длительный путь развития человека до приобретения идентичности — это путь, в результате которого я начинаю писать свою жизнь, становлюсь ее автором. Это довольно сложный процесс, потому что до меня, до того как я приобрету авторские права, существуют другие люди, которые говорят, как мне жить, причем могут сказать это не только ребенку или подростку, но и взрослому человеку. Вот почему так сложно начать доверять себе, своим ощущениям и переживаниям, не пытаться их контролировать, и делать правильными и удобными.

Соответственно, сначала авторами являются родители, потом на авторство начинает претендовать школа, потом ими стремятся стать профессиональные гуру, затем — политики или еще кто-либо, то есть на авторство все время кто-то покушается. И зачастую часть жизни посвящена тому, что мы отстаиваем свою идентичность, нам важно ее отстаивать, поскольку идентичность включает переживание нашей целостности, непрерывности, нашего соответствия самому себе.

Проблема заключается в раскрытии механизмов формирования идентичности, идеях построения новых моделей идентичности в эпоху цифры. К. Э. Разлогов, размышляя об этом, подчеркивает, что именно на почве творчества и искусства прорастают зерна, необходимые для формирования возможной множественной идентичности одного индивида⁹. Модус современной культуры порождает и отражает эту ситуацию, стремясь к открытости и вариативности сценариев построения частной, персональной истории на платформе творчества.

Сегодня личный поиск этих сценариев обращается к проигрыванию различных вариантов судьбы. Эта тенденция — своеобразное воплощение идеи борхесовского «Сада расходящихся тропок». Вспомним, у Булгакова: «Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например читает

⁹ Разлогов К. Э. *Метаморфозы идентичности* // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 32.

римское право, а на двадцать первом — вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам». Но теперь тратить двадцать лет на поиск своего предназначения никто не хочет.

Важно, что такое творческое прочтение жизни связано с самой природой человека. Если мы все время делаем только то, что умеем, то получаем результаты, которых достигали всегда. То есть мы никогда не получим ничего нового. Но поскольку наша природа всегда тяготеет к развитию, мы чувствуем большой дискомфорт оттого, что хотим делать что-то значимое. Но если мы знаем, что это значимое может привести к ошибке, то останавливаем себя. И если в традиционной культуре «боязнь» совершить ошибку была достаточно высока, то сегодня не зазорно пробовать, экспериментировать, ошибаться, делать попытку за попыткой, доверять собственному опыту.

Спрашивая, что такое опыт, мы возвращаемся к водоразделу между классическим эмпиризмом, позитивизмом XIX века и подходом, предложенным прагматистами (У. Джеймсом и Дж. Дьюи) примерно сто лет назад. Опыт для них, в отличие от их предшественников, — не результат пассивного отражения и не совокупность дискретных чувственных впечатлений, организуемых сознанием. Опыт перформативен (понимается как действие и взаимодействие), включает отношения (в том числе носителя опыта к самому себе), динамичен (переживается как «поток») и эстетичен (переживается в целостных, внутренне завершенных формах). Универсальной моделью опыта при таком подходе оказывается опыт творческий, связанный с производством нового и адаптацией к новому, самопроизводством человеческого «я»¹⁰.

Мало что сегодня может тормозить творческую активность человека: ныне нет жестких правил, бесспорных критериев, безусловных учителей. Человек, согласно высказыванию Сартра, «ничем не снаряженный, ничем не оснащенный, всего себя отдает творчеству, чтобы всего себя спасти».

¹⁰ См.: Венедиктова Т. Опыт чтения как фактор литературной истории // Русский журнал. 2012. № 6. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Opyt-chteniya-kak-faktor-literaturnoj-istorii> (дата обращения: 10.08.2015).

Сегодня творческая активность людей находит выражение во внеинституциональных категориях, развивается по субъективным линиям, включающим глубоко индивидуальные сюжеты. Развитие человека в культуре уходит от строгих догматичных схем и все больше фокусирует внимание на действиях и процессах, связанных с персональным, экзистенциальным опытом, воображением, повествованием и т. д. Иначе говоря, оно ищет все более тонко нюансированные определения человека в культуре, его культурной идентичности, понятой как проявление его творческой субъективности.

Опыт творчества становится крестным путем личности, которая оставляет «на стеклах вечности» свой уникальный след. Человек все чаще отказывается отождествлять себя с обыденным, будничным миром, не хочет прожить свою жизнь «как все», сторонится «несобственного» или «неподлинного существования» (М. Хайдеггер), забвения самости в текущей череде дней, недель, десятилетий и находит свое место в мире на путях разнообразнейшего творчества. Этот опыт творчества становится стержнем личной — персональной — истории, и через него человек обретает свою экзистенциальную сущность.

Изменилась сама организация культурной жизни и активности общества. И это во многом спровоцировано распространением цифровых и информационно-коммуникативных технологий, на основе которых возникли новые социокультурные феномены и практики. Нужно отметить, что сами изменения совершаются теперь не столько структурами и институтами, сколько в процессе деятельности людей, которые в силу жизненных обстоятельств и биографии экспериментируют с открывающимися возможностями и пользуются ими.

Участие людей в создании социокультурных феноменов, экспансия любителей в сферу культурного производства приводят к стиранию границ между потреблением и производством, игрой и работой, свободным временем и трудом, творчеством и рутинной повседневности, аудиторией и автором. Все это является свидетельством проявления особого типа активности, которая может

быть названа культурной практикой. Современное понимание культурной практики включает:

— разнообразные виды самостоятельной деятельности и складывающиеся пространства организации собственного опыта, в том числе в сфере искусства;

— поиск и апробацию новых способов и форм деятельности в целях удовлетворения разнообразных познавательных и прагматических потребностей;

— стихийное автономное приобретение опыта общения и взаимодействия с людьми (участие в интерактивных формах искусства, работа в командах и общественных структурах);

— приобретение нравственного, эстетического и эмоционального опыта.

В такой трактовке личность выступает агентом практики и активно участвует в создании разнообразных культурных явлений. Причем деятельность может возникать из различных побудительных мотивов: от желания совершенствоваться, повысить эрудицию, получить эстетическое наслаждение, пережить новый эмоциональный опыт до стремления определить свою культурную идентичность или сформировать уникальный культурный капитал личности.

Ныне человек хочет быть активным участником культурной жизни, а зачастую и творцом культуры. В этой парадигме акценты смещаются: теперь личность не только выступает объектом воздействия, но и становится полноправным участником процесса и создателем некоего культурного явления. Откровение последнего времени — тот факт, что цифровые и информационные технологии могут стать провоцирующим и поддерживающим инструментом новых форматов реализации активности человека в культуре.

Актуальный опыт показывает, что в культуре медленно, но верно вызревают принципиально новые ценностные ориентации человека. Личность является залогом осуществления культуры — эта поистине колоссальная миссия человечества сегодня во многом понимается и осознается по-новому.

Образ мира и культуры все чаще фокусируется на понимании человека как творца. Тезис о том, что человек — творец, конечно, не нов. Однако в раскрытии и осуществлении творческой природы личности сегодня происходят существенные сдвиги. Связаны они прежде всего с тем, что ныне каждый хочет быть активным, действительным участником культурной жизни, зачастую творцом культуры, ее агентом. И в эпоху «цифры» важно не подвергнуть забвению эту гуманистическую идею.